

дунган отразились и на традиционном дунганском орнаменте, который распространился на новые области: текстильное и фарфоровое производство, ювелирное дело.

Третья глава работы Л. Т. Шинло посвящена семейному быту дунган, современной социалистической семье, свадебной обрядности и традиции, воспитанию детей⁶.

Три последние главы рецензируемой работы, являясь наименьшими по объему, тем не менее успешно показывают огромные достижения дунганского народа в области образования, здравоохранения и общественной жизни, множеством нитей связывающие дунган со всей динамичной советской действительностью.

Книга Л. Т. Шинло не лишена некоторых недостатков. Недостаточно освещены социалистические преобразования в хозяйстве, культуре и быте дунган в послевоенный период. Следует отметить, что автор доводит свое исследование только до начала 1970-х годов; работы советских ученых последнего десятилетия, в которых освещается современный этап этнокультурного развития дунган, не рассматриваются⁷.

Затрудняет работу с книгой отсутствие глоссария и библиографии.

В целом же рецензируемый труд, снабженный обширным и оригинальным иллюстративным материалом, вносит заметный вклад в советское дунгановедение.

В. Я. Галицкий, А. А. Свиридов

⁶ Эти вопросы недавно стали предметом специального исследования. См.: Сушан-ло М. Семья и семейный быт дунган. Фрунзе: Илим, 1979.

⁷ См., например: Решетов А. М. О соотношении традиционной и современной культуры дунган.— В кн.: Новое в этнографических и антропологических исследованиях. Итоги полевых исследований Института этнографии в 1972 г. Ч. 1. М.: Наука, 1974, с. 116—120; *его же*. Этноконсолидационные процессы в Советской Средней Азии и Казахстане.— В кн.: Этнографические аспекты изучения современности. Л.: Наука, 1980, с. 74—84; Решетов А. М., Седловская А. Н. Влияние межэтнических контактов на антропологию дунган.— В кн.: Ономастика Средней Азии. М.: Наука, 1978, с. 162—164.

Русские народные сказки Пудожского края/Сост. А. П. Разумова, Т. И. Сенькина, Петрозаводск: Карелия, 1982, 363 с.

Сказка Пудожского края, одного из богатейших русских фольклорных районов Карелии, оставалась до последнего времени неизданной и почти неизвестной. После открытий Н. П. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга в 60—70-х годах прошлого века за Пудожьем, как и соседним Заонежьем, прочно утвердилась слава одного из основных очагов былинного творчества. Собрание былевой поэзии определило работу ряда последующих экспедиций; на ней сосредоточилось основное внимание ученых.

Пудожская сказка долго не собиралась. Известно всего пять дореволюционных записей ее, сделанных разными собирателями и включенных в сборник «Русские сказки в Карелии»¹. Систематическое собирание и изучение пудожской сказки началось только в 30-е годы нашего века. Наиболее интенсивно запись ее велась в 1960—1970-е годы прежде всего сотрудниками сектора фольклора и этнографии Института языка, литературы и истории (в дальнейшем — ИЯЛИ) Карельского филиала АН СССР, а также кафедрой фольклора МГУ, студенческими экспедициями Карельского педагогического института и Петрозаводского университета. Однако публикации сказок были единичными. Самая представительная из них — 16 текстов (записи 1930—1940-х годов), вошедших в сборник «Перстенок — двенадцать ставешков»². В 1950-е годы над сборником сказок Пудожского района работала сотрудница ИЯЛИ А. В. Белованова, но работа эта не была завершена. Основная масса текстов по-прежнему оставалась достоянием архивов, главным образом одного из богатейших фольклорных хранилищ страны — Архива Карельского филиала АН СССР.

И вот теперь открытие пудожской сказки состоялось. Создатели рецензируемого сборника — научные сотрудники ИЯЛИ Карельского филиала АН СССР А. П. Разумова и Т. И. Сенькина. Научное редактирование его осуществлено ныне уже ушедшей из жизни Э. В. Померанцевой.

Имя А. П. Разумовой хорошо известно нашей фольклористике. В последнее десятилетие вышла в свет подготовленная ею (в соавторстве с Т. А. Коски, А. А. Митрофановой и Т. И. Сенькиной) своеобразная фольклорная трилогия по Карельскому Поморью, широко и разнопланово представившая устно-поэтическую традицию этого региона, — «Русские народные песни Карельского Поморья» (1971 г.), «Русские народные сказки Карельского Поморья» (1974 г.), «Русская свадьба Карельского Поморья» (1980 г.). Все три издания были одобрены специалистами, но особенно высокой оценки удостоен сборник поморских сказок, отвечающий, по словам Э. В. Померанцевой, «высоким требованиям современной науки к публикациям подлинного фольклора» и представляющий собой «комплексное фольклористическое исследование»³.

¹ Русские сказки в Карелии (Старые записи)/Подгот. текстов, статья и коммент. Азадовского М. К. Петрозаводск: Госиздат КФ ССР, 1947.

² Перстенок — двенадцать ставешков. Избранные русские сказки Карелии/Сост., вступ. статья и коммент. Чистова К. Петрозаводск: Госиздат КАССР, 1958.

³ См. рец.: Померанцева Э. В. Русские народные сказки Карельского Поморья.— Сов. этнография, 1976, № 6, с. 155.

Таким комплексным научным исследованием можно без преувеличения назвать и сборник «Русские народные сказки Пудожского края». Это уже третья книга начатой издательством «Карелия» серии «Памятники фольклора Карелии», важность и целесообразность которой для этой республики — сокровищницы устно-поэтического творчества — и всей отечественной науки не подлежат сомнению.

Сборник пудожских сказок включает всего 50 текстов, а отражает результаты 35 фольклорных экспедиций, записавших более 800 текстов от 156 исполнителей. Научный аппарат сборника (7 печ. л.) содержит обстоятельные примечания к каждой из опубликованных сказок, опись коллекции Архива Карельского филиала АН СССР (все 800 текстов ее тщательно прокомментированы и сюжетно определены), указатель сюжетов⁴, список сказочников, словарь местных слов, «Введение» и статью «О сказочной традиции Пудожского края».

Рецензируемый сборник — фундаментальное научное издание, позволяющее в полной мере представить сказочную традицию края 1930—1970-х годов. Сопоставление сюжетного состава сказок Пудожья и других северо-русских районов позволило составителям сделать вывод, что по числу сюжетов, известных общерусской сказочной традиции, Пудожский район превзошел некоторые другие северо-русские районы (с. 8). В репертуаре пудожских сказочников выявлено более 300 сюжетов. Наряду с широко популярными общерусскими и северо-русскими сюжетами, разнообразно варьируемыми и многократно зафиксированными в Пудожье, здесь есть и такие, которые в пудожском собрании Архива Карельского филиала АН СССР представлены в единственной записи («Бычок-спаситель» — СУС 314, «Муж-осел» — СУС 430, «Ворон-помощник» — СУС 553). Встречаются и сюжеты, вообще редкие в русском сказочном репертуаре («Солнце, Ветер и Месяц» — СУС 552 В, «Мстительный святой» — СУС 846 = АА). А сказка на сюжет «Бычок-смоляной бочок» — СУС 159 (помещена в сборнике под № 4) была известна до сих пор лишь в одной записи и даже не зарегистрирована в сборнике А. Н. Афанасьева.

Довольно разнообразны и широко популярны в Пудожском крае сказки о животных, среди которых есть сюжеты, записанные в большом числе вариантов: «Пение волка» — СУС 163 (27 вариантов), «Звери в саях у лисы» — СУС 158 (17 вариантов). Некоторые сказки о животных бытуют в устоявшихся контаминациях: СУС 170+158, 61 В+163. Имеются записи с очень редкими контаминациями сюжетов, например опубликованная под № 30 сказка «Лиса-нянька», соединяющая сюжеты СУС 258=20 А+21+60. Сказка «Про мужика да бабицу» (№ 42) — единственная контаминация сюжетов СУС 1+248 А=АА 56, ни в одном из известных вариантов не зарегистрированная.

Среди фольклористов-собираателей сложилось мнение, что главным районом бытования волшебных и особенно «долгих» волшебных сказок является Поморье, в том числе Карельское. И вот с выходом пудожского сборника неожиданно обнаруживается: в Пудожье процент волшебных сказок выше, чем в других северных районах. По подсчетам составителей сборника, на их долю здесь приходится 2/3 общего числа записанных сказок. Некоторые из них занимают 14—15 страниц текста. Это прежде всего «Бур-хребер», «Про жену Свеллану», записанные от М. О. Дмитриева; «Страх-богатырь», «Иван-царевич и Кощей бессмертный» — от Ф. Ф. Кабренова. Они образуют сплав нескольких сюжетов (СУС 303+300 А+АА 300 В+519+300₁+АА А или СУС 402+400₁=АА 400 А+518+302₁), создающих сложную структуру.

Отличительная особенность сборника в том, что в нем широко представлено творчество мастеров-сказочников с большим и разнообразным репертуаром. Так, от Ф. Ф. Кабренова из Пудожа записаны 44 сказки (в основном в 1940—1950-е годы). Среди сказок Кабренова все разновидности жанра, но предпочтение он отдает волшебным сказкам. Характерная черта творческой манеры Кабренова — монументальность сказок, которые он создает, неукоснительно соблюдая законы сказочной обрядности.

Другая замечательная сказочница — И. П. Савинкова из дер. Семеново. От нее записано 43 сказки, причем среди них есть редкие варианты и единственные, не зафиксированные нигде контаминации сюжетов и отдельных мотивов. Особенность исполнительской манеры Савинковой — использование почти во всех сказках раяского стиха, в форме которого выдержаны не только многие инициальные, финальные и медиальные традиционные формулы, но и элементы повествования, что придает сказке юмористическую, а подчас и сатирическую окраску.

Имя А. М. Пашковой из той же, что и Савинкова, дер. Семеново уже известно в нашей фольклористике. Талантливая вопленица (9 ее плачей помещены в сборнике «Русские плачи Карелии»⁵) и исполнительница былин (16 текстов — в сборнике «Былины Пудожского края»⁶), А. М. Пашкова — носитель разножанрового фольклора, в том числе и сказочной традиции. Ее сказки, как правило, своеобразные трактовки традиционных сюжетов, в которых очень сильно проявляется влияние былинной поэтики. Это обнаруживается прежде всего в использовании былинного размера и отдельных былинных «типических» мест (сказка «Водяник и лесовик»). В свою очередь исследо-

⁴ Номера и названия сюжетов даны по «Сравнительному указателю сюжетов. Восточно-славянская сказка»/Сост. Баран Л. Г., Березовский И. П., Кабашников К. П., Новиков Н. В. Отв. ред. Чистов К. В. Л.: Наука, 1979 (в дальнейшем — СУС).

⁵ Русские плачи Карелии/Подгот. текстов и примеч. Михайлова М. М.; Статья Г. С. Виноградова и М. М. Михайлова. Под ред. Азадовского М. К. Петрозаводск: Госиздат КФ ССР, 1940.

⁶ Былины Пудожского края/Подгот. текстов, статья и примеч. Париловой Г. Н. и Соймонова А. Д. Предисл. и ред. Астаховой А. М. Петрозаводск: Госиздат КФ ССР, 1941.

ватели были Пашковой отмечали насыщенность ее текстов сказочной фантастикой. Заслуживают внимания свидетельства сказительницы о том, что она усваивала былины и сказки и от коробейников. Можно предположить, что общением с ними объясняется стремление Пашковой к ритмизации речи. От коробейников усвоила она интересную версию с местными названиями рек и озер очень распространенного сюжета «Об ерше».

Еще одна яркая фигура среди мастеров-сказочников — уже упоминавшийся М. О. Дмитриев из дер. Авдеево, знаток долгой волшебной сказки, хранитель семейной поэтической традиции. Свое исполнительское искусство он унаследовал от отца, О. И. Дмитриева, от которого усвоил почти все известные тому сказки. Чрезвычайно существенно, что «открыт» он был лишь в середине 1970-х годов (незадолго до смерти), когда многое уже могло быть забыто. Тем более удивительна сюжетно-композиционная завершенность и стройность, эпичность стиля, изобилующего формульными, рифмованными оборотами дошедших до нас 20 сказок Дмитриева. В связи с этим уместно напомнить, что 500 текстов (из 800 хранящихся в Архиве Карельского филиала АН СССР) записаны в 60—70-е годы, т. е. в период явного и повсеместного угасания почти всех фольклорных жанров. Остается лишь предполагать, насколько интенсивно жила здесь сказка во времена ее естественного бытования, и сожалеть, что так поздно состоялась встреча собирателей с ее носителями.

Вместе с тем в новом сборнике проявились общие закономерности и тенденции, характеризующие современные процессы сказкотворчества: угасание, деградация традиции, разрушение эпического стиля, проникновение в него современной и не органичной для него лексики, чрезмерное, разрушающее фантастику обытовление.

Рассматриваемый сборник представляет пудожскую сказку и как достояние мастеров, и как «массовое явление», общее достояние: в списке сказочников значится более 150 человек. Именно это позволяет создать всестороннюю картину данной локальной традиции. Благодаря многим «рядовым» исполнителям можно говорить об особенностях бытования пудожской сказки о животных, которая полностью перешла в детскую аудиторию и обнаруживает тенденцию к сохранению «твердого», отлитого в устойчивую форму текста со стиховыми припевками и хорошо разработанными диалогами. Сюжетно разнообразны записанные от разных исполнителей новеллистические сказки сборника; среди них много антипововских и других сказок с острой социальной направленностью.

Как всякий региональный сборник, «Русские народные сказки Пудожского края» имеют свои определенные локальные особенности. О некоторых уже шла речь. Одна из наиболее существенных — связь с былинной традицией. Взаимовлияние, взаимопроникновение двух эпических традиций — сказочной и былинной — наблюдаются у многих исполнителей.

С выходом «Русских народных сказок Пудожского края» стало известно еще одно чрезвычайно важное и недостающее звено северно-русской сказочной традиции, составляющее неотъемлемую часть общерусского сказочного богатства и устно-поэтического наследия в целом.

С. М. Лойгер

НОВОЕ В ИЗУЧЕНИИ КАРЕЛЬСКИХ НАРОДНЫХ ЗАГАДОК

В последнее десятилетие советские фольклористы уделяют пристальное внимание изучению народных загадок. На материале загадок народов нашей страны появляются монографии, сборники, защищаются диссертации. Собирается большой и добротный материал для сравнительного изучения этого жанра. Важно, что сборники публикуются на национальном и русском языках, что делает их доступными широкому кругу исследователей. В этом русле интереса к народной загадке очень успешно работает Н. А. Лавонен. В 1977 г. она опубликовала монографию «Карельская народная загадка» (Л.: Наука, 1977. 134 с.), а затем в серии «Памятники фольклора Карелии» — сборник «Карельские народные загадки» (Петрозаводск: Карелия, 1982. 144 с.). Обе книги изданы под грифом Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР.

Сборник «Карельские народные загадки» — первый научный свод народных загадок карел, которые публикуются на карельском и русском языках. Перевод дословный. Н. А. Лавонен не стремится подыскать для перевода близкую по смыслу русскую загадку, что важно для сравнительного изучения карельских и русских загадок.

В кратком предисловии к сборнику освещается современное состояние и особенности карельских народных загадок, раскрывается представление о «хозяйке загадок», рассказывается о традиционном времени загадывания, дается характеристика художественного своеобразия загадок. Большое внимание уделено здесь раскрытию принципов отбора материала и организации его. В сборник, составленный на основе публикаций текстов, осуществленных в СССР и в Финляндии, включены и материалы архива Карельского филиала АН СССР, Фонотеки Института языка, литературы и истории КФ АН СССР, копии материалов Финского литературного общества и «Словаря карельского языка». Внимательно и подробно характеризуется в предисловии принцип отбора материала в сборник, ибо, несмотря на то что это свод карельских загадок, отбор все же необходимо было проводить. К чести составителя и издательства следует отметить, что они нашли возможным включить в сборник и двусмысленные загадки, что делается не так уже часто даже в научных изданиях и ведет к известному